

Однако Ли Суй не стал, как обычно, подхватывать его одной рукой, чтобы вместе выехать из города. Он покинул дворик в одиночку — пронесся, словно холодный стремительный черный вихрь. Прежде чем остальные успели опомниться, его и след простыл.

Чжу Яньинь лишь недоуменно моргнул.

Чжу Синьсинь полюбопытствовал:

— Могу я спросить, в чем был смысл этой сцены?

Чжу Яньинь ответил:

— Я рассердился.

Чжу Синьсинь озадачился еще сильнее:

— Но почему ты рассердился? Какая у тебя причина? Не может же это быть из-за того, что владыка дворца Ли ушел и не взял тебя с собой? Разве это не естественно? У нас ведь с ним нет никаких отношений.

Чжу Яньинь оборвал его:

— Все, замолчи.

Чжу Синьсинь не на шутку встревожился. Как это — замолчать? Ему показалось, что мысли брата снова путаются. Не лучше ли показаться семейному лекарю? Божественный целитель Цзян, конечно, хорош, но он все-таки человек из цзянху. Чжу Синьсинь видел, как тот отмеривает лекарства: совершенно варварские методы, строгают древесную кору так, словно скальп снимает.

Чжу Яньинь лишился дара речи.

Ну и сравнения у тебя.

Ли Суй во весь опор мчался прочь из города.

Он ехал вовсе не к Пань Цзиньхуа, ему просто хотелось побыть наедине со своими мыслями. Когда тепло заходящего солнца рассеялось, ветер сделался холодным. Он с гулом свистел в ушах, а пролетая сквозь извилистые ущелья, глухо завывал, точно кто-то тихо плакал.

Верный конь Тисюэ Учжуй словно чувствовал настроение хозяина. Он без устали нес его вперед, без какой-либо цели, устремляясь туда, где свистел ветер и брезжил свет. Подкованные железом копыта с шумом топтали опавшую листву и глубокие лужи. Этот топот звучал столь дерзко и громко, что даже оцепеневшие предзимние насекомые вдруг очнулись и бросились враспынную.

Конь остановился лишь в самой глуши гор.

Там раскинулась глубокая заводь с чистой, мерцающей водой, которая казалась живее и одухотвореннее всего вокруг. Ли Суй улегся на толстый ковер из опавших листьев, подложив под голову одну руку, и в его глазах отразился точно такой же холодный лунный свет.

По дороге сюда он уже осознал, чего жаждет его сердце, но в его душе не было ни трепета, ни радости, свойственных обычным людям в пору первой влюбленности. Не возникло ни единого

проблеска этих чувств — лишь глубокая, изматывающая усталость, которая поднималась из самых сокровенных глубин души и разливалась по всему телу. Он вспоминал прошлое и думал о неизбежной, скорой схватке не на жизнь, а на смерть с Читянем.

Боевые искусства Тяньмыньцзы не знали равных в Поднебесной, он вобрал в себя мудрость множества тайных учений, а потому и в ученики отбирал лишь тех, кто рождался великим талантом раз в сто лет. Сам он стал непревзойденным мастером уже к тридцати годам, и всю оставшуюся жизнь неустанно искал одаренных детей по всем деревням и городам Государства Даюй. И лишь к пятидесяти годам он наконец нашел двоих, кем остался полностью доволен. Одним был Ли Суй, вторым — Читянь.

Они были ровесниками и ни в чем не уступали друг другу в таланте.

После года тренировочных боев с неуклюжим Пань Цзиньхуа, которые Ли Сую до смерти наскучили, появление Читяня позволило ему наконец встретить достойного противника. Это раззадорило его интерес к боевым искусствам. Они тренировались и сражались ночи напролет, день за днем, пока не изучили друг друга до такой степени, словно каждый смотрел на собственное отражение.

Техники, которыми Тяньмыньцзы овладел лишь к тридцати годам, эти двое в свои семнадцать освоили уже на восемьдесят процентов. Что же касается тёмного искусства «Поглощение луны», изначально это было древнее руководство под названием Божественное искусство «Шиюэ». Приемы в нем описывались самые заурядные. Ли Суй откопал эту книгу в грудке старого хлама и тренировался по ней от скуки, ради забавы. Однако Читянь случайно обнаружил скрытую в ней совершенно иную технику внутренней силы, которая проявлялась на страницах, только если их намочить.

Возвышаться за счет поглощения чужой силы... Не говоря уже о мастерах боевых искусств Центральных равнин, для которых «высшая справедливость» всегда стояла во главе угла, любой мало-мальски разумный взрослый человек если и не отверг бы этот путь с благородным негодованием, то по крайней мере засомневался бы. Но Читянь не был нормальным человеком. Он был одержим боевыми искусствами даже сильнее, чем Тяньмыньцзы, и страстно желал достичь самой вершины.

И Ли Суй, и Читянь жаждали превзойти друг друга, но силы их оставались равными. Это было так же невозможно, как победить собственную тень.

Так продолжалось до тех пор, пока Читянь тайно не овладел тёмным искусством «Поглощение луны».

В то время Тяньмыньцзы был тяжело болен и находился при смерти. Читянь часто под предлогом недомогания уходил в самые глухие уголки заснеженной равнины. Даже на похороны учителя он опоздал на целых три дня.

После кончины Тяньмыньцзы Ли Суй отвез его прах на родину в Цзиньчжун, где провел еще полгода. Когда же он вернулся на заснеженную равнину, его ждал последний поединок между названными братьями.

Читянь все спланировал заранее. На трехсотом ходу он притворился раненым и упал на землю, а когда Ли Суй подошел проверить его состояние, внезапным выпадом обездвигил названного брата. Стояла глухая полночь. Круглая луна отливала кроваво-красным, и глаза Читяня горели тем же алым цветом. С хищным оскалом зверя, настигшего добычу, он посмотрел на раненого в самую грудь и лишенного возможности пошевелиться младшего брата:

— Ты проиграл.

С уголка губ Ли Суя стекала кровь. Он не мог поверить своим глазам:

— Ты с ума сошел.

— Я не сошел с ума, — Читянь посмотрел на него свысока. — Я победил.

Ли Суй усмехнулся:

— Напав исподтишка?

— Благодаря этому, — Читянь прижал правую ладонь к его точке миньмэнь. Его лицо казалось спокойным, но в голосе дрожало ликование, которое невозможно было скрыть. — Очень скоро я одолею тебя раз и навсегда.

Снежная равнина посреди зимы была пронизывающе холодной, но еще более невыносимой была боль. Когда Ли Суй описывал Чжу Яньиню действие «Поглощения луны», он упомянул, что «все тело словно переехал тяжелый груз, а кости и жилы переломаны». На самом деле это описание было довольно мягким. Той ночью ему казалось, что из него заживо высасывают мозг и костный мозг, а каждую мельчайшую вену подцепляют невидимой серебряной иглой, вытягивают наружу с еще теплой кровью и оставляют застывать на ледяном ветру, пока они не превратятся в хрупкие ледышки.

Вскоре Читянь отнял руку:

— Не бойся, я не жадный. Мне нужно лишь двадцать процентов твоей силы.

Ли Суй посмотрел на него, и его голос прозвучал холоднее ледяного клинка:

— Либо убей меня прямо сейчас, либо в будущем я непременно убью тебя.

— Я не стану убивать тебя так просто, но и не отпущу, — Читянь неторопливо поправил рукава. — Три года назад я ходил на юг не для того, чтобы покупать земли и лавки. Я искал людей. Всего я нашел более тридцати человек. После череды испытаний осталось только семнадцать. Их природные данные, конечно, не сравнятся с нашими, но все они тоже редкие таланты в боевых искусствах.

Он присел на корточки и проверил пульс Ли Суя:

— Раз уж младший брат так стремится к смерти, то перед кончиной сделай еще одно доброе дело. Пусть они разделят твою силу между собой. Так они быстрее наберутся мастерства и станут мне полезны.

Ли Суй прикрыл глаза, словно больше не слушал его.

Шестнадцать из тех семнадцати человек — это нынешние шестнадцать великих защитников Храма Фэньхо. В то время Читянь собрал их со всех концов страны, чтобы они вместе практиковали тёмное искусство «Поглощение луны» и делили между собой внутреннюю силу Ли Суя.

Поскольку Читянь уже ранил Ли Суя, остальные отбросили всякую осторожность. Одна из прихвостней, коварная соблазнительница, даже подошла поближе и долго разглядывала его редкую мужскую красоту. Залившись кокетливым смехом, она протянула:

— Какая жалость будет, если он умрет. Владыка, лучше отдайте его мне на забаву. Жаль упускать такого...

Договорить она не успела: пара ледяных рук мертвой хваткой вцепилась ей в горло. Раздался отчетливый хруст, изо рта женщины брызнула кровь, и ее шея безжизненно переломилась.

Все произошло настолько стремительно, что никто не успел опомниться. Ли Суй отбросил бездыханное тело на землю и, оттолкнувшись, взмыл в воздух, устремляясь к заснеженному обрыву.

Яростный рев Читяня разорвал снежную ночь, точно раскаленное железо. В его голосе звучали неверие и неопиcуемый гнев:

— Учитель обучил тебя другой технике!

Силуэт Ли Суя, подобно сорвавшемуся с нити бумажному змею, уносило яростным ветром.

На самом деле это была не полноценная боевая техника, а лишь шуточный прием, позволяющий великим мастерам скрывать внутреннюю силу и казаться обычными неумелыми бойцами. В смертельной опасности Ли Суй внезапно вспомнил об этом методе и за считанные мгновения успел утаить часть ци. Улучив момент, когда враги потеряли бдительность, он собрал последние крохи сил и бросился со снежного утеса.

Ему несказанно повезло: у подножия утеса как раз находился Цзян Шэнлинь, который выращивал там снежный лотос. Божественный лекарь прождал целый год, и стоило прозрачным лепесткам наконец раскрыться, как он не успел даже протянуть к цветку руку — сверху на него рухнул человек.

Бум!

И цветка как не бывало.

Ли Суй до сих пор помнил потрясенное лицо, которое увидел перед собой, едва придя в сознание:

— Я ведь тебя еще даже не лечил! Как ты умудрился сам очнуться?

Сразу было видно, что лекарь он весьма своеобразный.

Впрочем, каким бы чудаковатым ни был этот целитель, он лечил Ли Суя на протяжении многих лет и кое-как заново сшил воедино его израненное тело. Поскольку пациент попался на редкость непослушный, Цзян Шэнлинь чаще всего повторял одну фразу: «Все, кто не слушает врача, отправляются на тот свет».

Сам Ли Суй никогда не принимал вопросы жизни и смерти близко к сердцу.

<http://bllate.org/book/18290/1754138>